

Научная статья
УДК 39(571)
doi: 10.17223/2312461X/49/12

Реки и дороги: векторы движения, развитие инфраструктуры и перемены в культурных ландшафтах юганских ханты

Даниил Андреевич Вигет

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
DanielWiget@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются культурные ландшафты, зачастую представляемые как «вневременные», однако мы знаем, что с ходом времени культурные ландшафты сообщества меняются. Проведенная мною полевая работа на р. Большой Юган позволяет утверждать, что сдвиги в видах передвижения оказывают влияние на культурный ландшафт юганских ханты. Исследуется вектор движения в качестве источника образования и перемен культурных ландшафтов. Отношения культурных ландшафтов и промышленности оцениваются через анализ эволюции нефтяной инфраструктуры на р. Большой Юган и последовавших за ней перемен в быту и культуре юганских ханты (коммерциализация и объективизация окружающей среды, обращение к наемному труду, сдвиги в возможностях и потребностях). На основе проанализированных материалов делаются выводы о том, что инфраструктурное развитие провоцирует перемены в культурном ландшафте местных сообществ. Развитие инфраструктуры и следующие за ним социально-экономические сдвиги приводят к изменениям в способах передвижения, что влияет на габитус человека. Меняются традиционные подходы к взаимодействию с окружающей средой и вообще то, как люди «делают» культуру, что отражается на их культурном ландшафте.

Ключевые слова: восточные ханты, культурный ландшафт, Юган, социальное поле, габитус, коммерциализация, объективизация окружающей среды, движение, инфраструктурное развитие, нефтегазовая промышленность

Для цитирования: Вигет Д.А. Реки и дороги: векторы движения, развитие инфраструктуры и перемены в культурных ландшафтах юганских ханты // Сибирские исторические исследования. 2025. № 3. С. 249–265. doi: 10.17223/2312461X/49/12

Original article
doi: 10.17223/2312461X/49/12

Rivers and Roads: Movement Vectors, Infrastructure Development and Changes in Yugan Khanty Cultural Landscapes

Daniel Andrew Wiget

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, DanielWiget@gmail.com*

Abstract. The article talks about cultural landscapes. Cultural landscapes are often presented as «timeless», but we know that the cultural landscapes of a community change over time. My field work on the Bolshoy Yugan river suggests that shifts in modes of movement have an impact on the cultural landscape of the Yugan Khanty. The vector of movement is considered as a source of development and change in cultural landscapes. The relationship between cultural landscapes and industry is assessed through an analysis of the evolution of the oil infrastructure on the Bolshoy Yugan river and the subsequent changes in the way of life and culture of the Yugan Khanty – the commercialization and objectification of the environment, the shift towards wage labor, changes in affordances and needs. Based on the analyzed materials, it is concluded that infrastructural development provokes transformations in the cultural landscape of local communities. The development of infrastructure and subsequent socio-economic shifts lead to alterations in the ways of movement, which affects the human habitus. Traditional approaches to interacting with the environment and, in general, the way people «do» culture thus change, which is reflected in their cultural landscape.

Keywords: Eastern Khanty, cultural landscape, Yugan, social field, habitus, commercialization, objectification of the environment, movement, infrastructural development, oil and gas industry

For citation: Wiget, D.A. (2025) Rivers and Roads: Movement Vectors, Infrastructure Development and Changes in Yugan Khanty Cultural Landscapes. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 249–265 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/49/12

Вступление

Культурные ландшафты меняются. Мы знаем это, потому что они связаны с условиями жизни человека – если что-то меняется в жизни человека или сообщества, то в ответ на это меняется и сам окружающий его культурный ландшафт. Мы можем утверждать это с уверенностью, потому что культурные ландшафты в конечном счете формируются на основе того, как люди воспринимают окружающую среду; по мере того, как меняется эта среда, меняется и воспринимаемый ландшафт. Под культурными ландшафтами в этой статье подразумеваются совокупности отражающихся в культуре взаимоотношений человека с окружающим миром, как физическим, так и метафизическим, через культурные убеждения и практики. Иначе говоря, я разделяю мнение Джеймса А.Р. Нафцигера о том, что «именно различные типы слияния природных и культурных явлений в различных культурах коренных народов, а также соответствующие различия во взаимодействиях между человеческими культурами и природной средой обуславливают специфику основной концепции культурного ландшафта» (Nafziger 2018).

Эта статья посвящена хантыйским культурным ландшафтам. На основе полевой работы, проведенной среди юганских ханты, я в данном тексте хочу поднять вопросы о том, как культурные ландшафты представлены в научной среде, как они воспринимаются культурными группами и как меняются. Вопрос культурных ландшафтов зачастую связан

с некоторыми проблемами профессиональных представлений об окружающей среде и паттернах пространств, представленных картографически через территории, полигоны, точки. Картирование в антропологии как направление глубоко разработано, и – крайне важно – научные работы и методические материалы, такие как «Индигенные ландшафты: этнокартографическое исследование» М. Чапина (Charin 2001), до сих пор однозначно актуальны.

Однако данные представления обычно составляются с опорой на этнографические интервью, а потому перенесенные на карту данные зачастую недостаточно точно отражают сам опыт респондентов, переданный исследователю через интервью. В этом и кроется проблема анимистических культур. Помимо ехидных вопросов по типу «А как нам определить геолокацию духов природы?», всплывает то, что индивидуальный опыт, целостный и временный, невозможно точно представить вне быстротечного времени и двумерно на карте. Подобные статичные отражения культурных ландшафтов удерживаются в этнографии, но сами по себе не способны передать, как культурные ландшафты меняются. Эта проблема становится явной с осознанием того, что культурные ландшафты произрастают из феноменологического опыта движения в физической среде. Фактически, можно сказать, существует определенный «треугольный обмен» между индивидуальным опытом, культурным ландшафтом и культурными изменениями, где культурные ландшафты представляют собой поле Бурдьё, в котором габитус индивида одновременно информирует и изменяет посредством динамических процессов индивида его практики. Это изменение, в свою очередь, вносит изменения в культурный ландшафт – поле, где индивидуальный опыт запечатлевается в окружающей среде посредством повторения и запоминания.

Но существуют разные векторы восприятия: зрение, обоняние, память и т.д. Есть в их числе и восприятие посредством *движения*. То, как люди перемещаются по окружающей среде, оказывает сильное влияние на то, как они воспринимают ландшафт вокруг; это в значительной степени влияет на то, как люди взаимодействуют с землей, по которой они путешествуют, и как относятся к ней. Существуют ошеломляющие различия в восприятии одного и того же места людьми, которые путешествуют по нему пешком, на машине, на лодке, на поезде. На самолете тем более – можно пролететь над каким-то местом, даже не заметив его. Движение – формирующий опыт, где точки пауз и остановок определяются маршрутом, а территории – суть поля восприятия, также определенные движением.

Тем не менее, какой бы способ передвижения человек ни выбрал, сфера, в которой он предпочитает действовать, не является нейтральной – она строится с учетом условий, которые сами по себе влияют на

восприятие и практику людей; влияние, которое человек может осознавать, а может и не осознавать. Пр процитируем часто используемую формулу Бурдьё: «Социальная реальность существует, так сказать, дважды: в вещах и в умах, в полях и в габитусе, снаружи и внутри агентов. И когда габитус сталкивается с социальным миром, продуктом которого он является, он чувствует себя “как рыба в воде”, он не чувствует тяжести воды и воспринимает окружающий мир как нечто само собой разумеющееся» (Wacquant 1989: 43).

В то же время восприятие человеком окружающей среды подготовлено заранее. Понимание человеком своего окружения формируется через его воспитание, его способы понимания, его язык – через его габитус. Далее будет продемонстрировано, как изменения в экономике коренных народов – и, следовательно, в способах их передвижения – меняют восприятие людьми окружающей среды и, как следствие, то, как сообщество «делает» свою культуру и формирует свой культурный ландшафт.

Движение и культурные ландшафты

Движение – это один из важнейших элементов жизни, вокруг которого люди строят свою культурную среду. Способы передвижения – ходьба, вождение автомобиля, катание на лодке, полеты и т.д. – так или иначе формулируют способы, которыми люди воспринимают свое окружение. Затем люди формируют свое окружение в соответствии с выбираемыми способами передвижения в данной среде, что, в свою очередь, обеспечивает конкретные возможности (affordances), которые люди используют для передвижения и жизни в адаптированной среде. Сравните человека, живущего в Москве, который ходит на работу пешком тридцать минут, с человеком, который тратит пятнадцать-двадцать минут на тот же путь, но едет на метро. Потраченное на путь время может быть как одинаковым, так и совсем другим, но важно здесь различие в самой природе опыта. Человек, идущий на работу из пункта А в пункт Б, должен пересекать городскую среду и взаимодействовать с ней хотя бы для того, чтобы не попасть под машину или не упасть с лестницы. Он ждет и идет по пешеходным переходам или по подземному переходу; ему нужно ориентироваться в толпе и избегать велосипедов и скутеров на тротуаре. Он должен проявлять внимание к своему окружению множеством способов: воспринимая пространство, по которому проходит, обращая внимание на вывески и рекламу, проделывая путь через парки, обходя здания, посещая магазины, отмечая всевозможные достопримечательности, намеренно или непреднамеренно картируя свое окружение через то, как он взаимодействует с ним в движении.

Но возьмем человека, который добирается до того же места работы на метро. Да, он ходит пешком до входа в метро и обратно, но, когда он

находится внутри системы метро, его пространство и векторы движения ограничены станциями и туннелями, по которым его везет поезд. В то время как он может выбрать окольный маршрут к намеченному месту назначения и максимально эффективно использовать свое передвижение в московском метро, наслаждаясь разнообразием станций, он стремится и к тому, чтобы выбрать самый короткий из возможных маршрутов – из пункта А в пункт Б. Он планирует свой маршрут соответствующим образом, по нисходящей линии, до мельчайших подробностей о том, когда и где в метро меньше людей, чтобы сэкономить минуты и секунды по дороге на работу. Его путешествие неизбежно становится ориентированным на пункт назначения, что влияет на то, как он воспринимает окружающее пространство. Конечно, это все обобщение. Как отмечалось выше, на действия человека будет влиять его габитус – если он хочет сэкономить время, он будет действовать таким образом независимо от того, едет ли он на метро или идет на работу пешком. А если его больше волнуют виды и диковинки, то он найдет время или намеренно опоздает на работу, чтобы пойти длинным путем. Способ передвижения делает эти решения осознанными, подталкивает людей в ту или иную сторону, изменяя, таким образом, то, как различные люди и сообщества конструируют свои культурные ландшафты. Поле предоставляет возможности, и если поле меняется – если по какой-то причине человеку становится легче передвигаться на метро, а не пешком, – то предоставляемые возможности будут меняться вместе с изменяющимся полем, утверждаясь через повторение и формируя элементы нового габитуса.

Таким образом, культурные ландшафты определяются территориями и точками. Они представляют собой как точки, так и заполненные пространства на карте, но формируются в результате чувственного восприятия и действий всех участников культурного ландшафта. Иногда это происходит непреднамеренно, иногда намеренно, но именно движение управляет рисованием этих точек, областей и линий между ними. Хью Броуди в своей основополагающей работе «Карты и сны» рассказывает об индейцах Бивер (Brody 1981), охотниках-трапперах, и о том, как их пространство прочерчивается через движение. Во время охоты «Охотник атабаска будет двигаться по направлению и в то время, которые определяются погодными условиями <...> и чувством правильности выбранного пути. У него также будут представления о передвижении животных, о своих и чужих методах землепользования... Но уже сейчас природа принятия решений охотником искажается из-за такого рода перечислений».

Охотник не начинает свое путешествие со структурированного плана своей деятельности или главного рационального соображения, которое должно стать основным и окончательным результатом охоты. Подобное

«планирование, как его понимают в других культурах, противоречит такого рода чувствительности и поставило бы под угрозу данную гибкость. Охотник, чувствительный к постоянным изменениям природы, духов и настроений людей, придерживается образа действий, который противоречит твердому плану и какому-либо точному или оговоренному соглашению с другими о том, что он собирается делать. Его образ действий не является и не должен быть предопределенным» (Brody 1981: 37).

Охотник перемещается по ландшафту свободно, создавая точки соприкосновения и интереса во время каждого похода. Он прокладывает и наслаивает свои новые маршруты на старые пространства, как расчерченные заранее, так и созданные намеренно, но его действия не в полной мере предопределены. Если он и следует по преднамеренному направлению, такому как хантыйский путик – лесная тропа с ловушками для дичи, каждый раз для него есть новый опыт, и в некотором смысле новое направление. Модель путешествия «начало–пункт назначения», как у человека, едущего в метро, поощряет невнимательность, а не внимание к пройденным точкам. Движение охотника информируется старыми маршрутами, охотничьими тропами и ограниченными пространствами – такими, как места сакрального значения, заповедная земля или закрытые нефтяные территории. Так, Джордан отмечает, что в традиционной культуре ханты фигурируют ограниченные или запретные пространства в тайге, определенные наличием живущего там в «избушке» или «амбарчике» (Jordan 2001). Такие места считаются, говоря словами Джордана (2001: 33), «божественными юртами», и в этих местах (не территориях, а именно местах) и вокруг них вся «охота, рыбалка, собирательство <...> запрещены, потому что деревья, животные и другие ресурсы принадлежат духу. Вне определенных времен эти места “закрыты” к повседневным социальным практикам, и эти места просто так не посещаются».

В схожем ключе в работе Нэнси Д. Мунн, посвященной ландшафтам австралийских аборигенов, описывается другой способ создания и очерчивания пространств (Munn 1996). Аборигены выделяют места, которые им по разным причинам требуется избегать, что приводит к систематическим обходам (detours), вытекающим из предвзятой пространственной и временной взаимосвязи с ландшафтом. Поскольку определенные места являются запретными для посещения или становятся таковыми в конкретное время либо в период мероприятий, аборигены или некоторые их группы в рамках культуры, такие как, например, женщины или дети, должны избегать эти места, что приводит к системе обходов. Как утверждает Мунн (1996: 452), «В процессе обхода акторы также создают негативное пространство – локацию, – куда они не заходят, часть которой выходит за пределы их собственного пространственного поля зрения. Этот акт проецирует знак ограничения на землю или пространство, создавая *временные, но повторяющиеся границы из движущегося тела*».

Таким образом, движение становится одной из направляющих сил в развитии и изменении культурного ландшафта. Это порождает, расширяет и сдвигает совокупности эмоциональных мест, которые формируют целостный культурный «слой» в затрагиваемой среде.

Картографирование и культурные ландшафты

Способы передвижения людей и пути, по которым они проходят, часто фиксируются на картах – бумажных и цифровых. Само действие людей, перемещающихся в своей окружающей среде, как отмечалось выше, способствует созданию и распространению внутри групп людей осознанных и неосознанных карт – ментальных карт (*mental maps*), которые сами по себе формируют и подкрепляют ментальные ландшафты людей. Эти карты могут быть правительственными документами, коммерческими картами местности или картами разграничения земель общин, но все они неизбежно создают представление о ландшафте и в дальнейшем формируют то, как другие воспринимают его.

В то же время культурные ландшафты, как и любая форма личной и общественной памяти, часто вызывают необходимость картирования мест, к которым привязан культурный ландшафт. Однако это приводит к парадоксу. Как пишет Ингольд (Ingold 2000: 225–226), «настоящие карты выглядят индексными по отношению к культурным традициям только в том случае, если культура представлена как не индексная по отношению к местности. Размещение карт в их культурном контексте сопровождается вытеснением культуры из ее контекста в жизненном мире».

Чтобы устранить это препятствие, как полагает Ингольд (2000), мы должны признать, что «карты индексируют движение, что видение, которое они воплощают, является не локальным, а региональным, но что целью современной картографии было превратить это региональное видение в глобальное, как если бы оно исходило из точки зрения “сверху вниз” и за пределами этого мира». Карта фиксирует, очерчивает и сводит в двумерное пространство временное и целостное видение локальности, так или иначе по-своему переваривая культурные данные, предоставленные местным населением.

Однако учет культурного видения людей, живущих в той или иной местности, при составлении любого вида карт является важным и необходимым или по крайней мере рассматривается как оптимальный способ для картографа избежать негативных последствий. Конфликты между коренными народами и добывающими индустриями во многих регионах мира чаще всего проистекали из нежелания добывающих компаний и/или правительства принимать во внимание сложные взаимоотношения общин коренных народов со своей землей. Воздействие добывающих компаний и других внешних агентов на коренной ландшафт приводит

к пересечению двух или более оспариваемых полей. Обычно это приводит к борьбе с добывающими компаниями – их бесконечному вторжению и навязыванию своих экономических, моральных, культурных, политических рамок ландшафту и людям, живущим в нем. Не проявляя должной заботливости, такие субъекты, как добывающие компании, картируя ландшафты, могут негативно повлиять на то, как формируются и развиваются культурные ландшафты среди новых поколений людей, живущих там.

Изучение как формирования и развития культурных ландшафтов, так и способов их исследования должно быть интересно для этнологов. Концепция культурного ландшафта, при всей ее размытости и сложности определения, находится на стыке антропологии, этнологии, географии и смежных дисциплин и является важным и полезным инструментом для попыток целостного изучения культуры взаимоотношений человека с окружающим миром.

Данные для этой статьи были собраны мной во время двух выездов на р. Большой Юган в Сургутском районе ХМАО–Югры (ПМА 2023, 2024). Я посетил одиннадцать хантыйских стойбищ, где интервьюировал глав семейств. Мной было проведено объемное анкетирование респондентов, совмещенное с глубинным интервьюированием их по структуре анкет. У респондентов запрашивалась информация по широкому набору тем – материальная база их семьи, семейная экономика, промыслы, маршруты и время движения, землепользование, значимые места, общие культурно-исторические данные и пр. Данные, запрашиваемые у респондентов через анкеты и интервью, заносились ими или мной под их руководством на физические карты их угодий в масштабе 1:200 000. Весь комплекс собранной информации был соотнесен со схожими данными из 1990-х – начала 2000-х гг., затем проведен сравнительный анализ конкретных и общих перемен в быту и культуре юганских ханты.

Юганские ханты и их ландшафты

История восточных ханты. Восточные ханты – это особая этнокультурная группа, проживающая преимущественно в ХМАО – Югре. Они говорят на языке восточных ханты (сургутский диалект) и живут в основном резидентными группами по берегам рек по всему региону; хантыйский термин для этих групп – *ях* ‘люди’. Так, например, *Яун ях* ‘люди реки’ – самоназвание юганских ханты. Большинство из этих групп проживают вдоль основных притоков средней Оби, протекающих через Сургутский, Нефтеюганский и Нижневартовский районы ХМАО–Югры. Такой образ жизни у речного берега был характерной чертой культуры восточных ханты со времен средневековья, если не раньше. Речное де-

ление хантыйских общин было настолько определяющим, что использовалось наряду с территориальными притязаниями хантыйских князей в качестве основы для разделения региона на волости, когда Российское государство распространило свое влияние на Югру. Принадлежащие к восточной общности юганские ханты – это община, компактно проживающая вдоль рек Большой и Малый Юган в Сургутском районе автономного округа.

Как и большинство других групп обских угров, юганские ханты – это отчетливо выраженное речное сообщество. Они живут в поселениях, состоящих из больших семей, расположенных вдоль рек Большой и Малый Юган, протяженностью 1 063 км и 521 км соответственно (по данным Государственного водного реестра... 2011). Исторически сложилось так, что передвижение между их населенными пунктами осуществлялось на лодке по реке в теплое время года и на собачьих и оленьих упряжках зимой по охотничьим тропам и замерзшей реке. Можно утверждать, что исторически ханты имели гораздо больше возможностей путешествовать вдали от своих земель, когда они выстраивали свои маршруты и полагались на традиционные способы передвижения. Один респондент сетовал, что «раньше люди сами далеко ходили. И лодки, олени были. С упряжкой [собачьей] ходили. А теперь даже с Бураном молодежь никуда не хочет ездить, даже сюда [до зарослей клюквы на болотах] собирать лень ходить, лежат и в телефонах сидят» (ПМА, юрты Курломкины, 2024).

Без таких ограничивающих факторов, как моторное топливо, запасные части и т.д., ханты, не обремененные необходимостью поддерживать современную технику, могли бы, как и в прошлом, летом передвигаться на весельных лодках, а зимой – на оленьих или собачьих упряжках с Югана в отдаленные хантыйские поселения, например, на реке Демьянка на юге и реке Пим на севере от Оби, в сотнях километров отсюда. Некоторые ханты даже добирались до Енисея к кетам в торговых и матримониальных целях (Wiget, Balalaeva 2011). Традиционно ханты использовали различные виды речного транспорта. Так, Дунин-Горкавич выделял два основных типа хантыйских лодок: облас – небольшая долбленка для одного или нескольких человек, и каюк – большая дощатая лодка, часто с крышкой, используемая для перевозки семей или больших групп людей (Дунин-Горкавич 1911).

Этот значимый элемент жизни ханты – дальние путешествия на лодках и нартах – заложил основы традиционного доиндустриального культурного ландшафта ханты в целом и на реке Большой Юган в частности. Между семейными поселениями река была усеяна множеством священных мест и святилищ, связывающих обжитый ландшафт с событиями хантыйской истории и мифами. Эти сети, соединенные рекой и охотни-

чьей тропой, также разграничивали территорию. Общины ханты соперничали друг с другом и своими соседями за ресурсы, в Средние века междоусобицы перерастали в состояние постоянной вражды. Э. Уигет и О. Балалаева писали по этому поводу: «Межгрупповое соперничество, по-видимому, значительно усилилось, особенно ближе к концу периода [железного века], вероятно, в результате стремления контролировать эту торговлю [сибирскими мехами в обмен на среднеазиатские предметы роскоши и военное снаряжение]. Очень раннее появление укрепленных поселений, построенных в местах слияния рек, свидетельствует о том, что в эпоху, предшествовавшую пушной торговле, существовала конкуренция за доступ к транспортным водным путям и за ресурсы, особенно за богатые рыбопромысловые районы. По мере роста торговли мехом с технологически более развитыми и социально более организованными культурами Средней Азии, эта конкуренция, возможно, также включала в себя захват меховых территорий» (Wiget, Balalaeva 2011: 5). Это стремление к разделению земель и ресурсов проводило границы как между человеческими сообществами, так и между богами, привязанными к определенным группам мест и маршрутов.

Большой Юган, например, принадлежит богу Яун-ики, одному из сыновей верховного бога Торума. Яун-ики получил реку в наследство от своего отца. Таким образом, он является «старейшиной Югана» и «отвечает за ее территорию, от истока до устья, и за жизнь проживающих здесь людей, включая их промысловую деятельность. В его подчинении находятся духи-хозяева [местных] лесов, рек, покровители селений (юрт), семейные (домашние) и личные» (Карапетова, Соловьева 2000: 202–203). Эти почти феодальные отношения бога и земли, в которые вовлечены местные сообщества, распространяются на всю речную систему Оби, где верховный бог Торум разделяет земли и реки между своими сыновьями, и они, в свою очередь, делят свои территории дальше по своему усмотрению или в зависимости от того, как складывается их история. Такая священная система уделов устанавливает и объясняет человеческие границы между сообществами. Например, «священная река Торума Тромъеган течет с севера на юг, в то время как Большой Юган, река бога Медведя [Яун-ики], сына Торума, – с юга на Север. Вместе они образуют мифологическую “ось” с севера на юг мира восточных хантов, границы которой охраняет Каменный медведь (Кяв Пупи)». Этот каменный медведь, покоренный в прошлом Яун-ики, «выполняет особую функцию стража, охраняя границы символического ландшафта, география которого соответствует историческим территориям проживания юганских и тромъеганских ханты» (Балалаева, Сурломкина, Уигет 2021: 8).

Таким образом, в этой тяготеющей к рекам среде дороги появились либо в результате вмешательства извне, либо в результате навязанного извне управления – дороги, таким образом, использовались для торговли

и сбора ясака татарами. Так, «между татарами и хантами были установлены тесные торговые сообщения: последние приезжали для обмена продуктами, особенно часто в северные населенные пункты заболотных татар, через которые проходила зимняя дорога на Тюмень». Позже появились централизованные усилия Российского государства по расширению территории для сбора ясака, по внедрению в Югру ямщицкой системы и т.д. Ненцы, дивясь роскоши украшений хантыйских нарт, объясняли это тем, «что ханты имели постоянные поселения и олени пастбища на правом берегу р. Аган (нёрэм палэк ‘болотная сторона’), где по одному из притоков – р. Каваның явэң (Ампута) – пролегла Большая царская дорога. В течение всей зимы по этому маршруту двигались упряжки за табаком, мукой, чаем, сахаром и другими товарами на ярмарку в Сургут. Украшением нарт ханты подчёркивали значимость своего расположения на таком важном маршруте» (Академическая история Югры 2024: 433, 516).

Требования государственной экономики СССР и современной России привели к строительству промышленных дорог и мостов, однако река по-прежнему занимала центральное место в жизни и культуре ханты. В нынешнее время, с беспрецедентным расширением дорожной сети, соединяющей р. Юган с нефтяной промышленностью и близлежащими городами, сюда пришла очередная волна перемен: новые крупные нефтяные месторождения, расположенные вокруг кластера дер. Тайлаково (верхняя часть р. Большой Юган), подтолкнули нефтяные компании, в основном «Славнефть-Мегионнефтегаз», к крупным инвестициям в развитие разветвленной инфраструктурной сети, соединяющей новые нефтяные месторождения с городами Сургут (ок. 250 км) и Нижневартовск (241 км). Относительно новый проект в дер. Тайлаково уже обеспечивает до трети доходности «Мегионнефтегаза» и в настоящее время интенсивно развивается (Тайлаковское месторождение) (Новостные данные о Тайлаковском месторождении...). Участок земли между двумя городами, Сургутом и Нижневартовском, и Тайлаковскими полями быстро застраивается дорогами, заправочными и ремонтными станциями, вахтовыми поселками. Через Большой Юган было переброшено два моста. В связи с этими событиями юганские ханты ощутили серьезные изменения в том, как они воспринимают окружающую среду и как взаимодействуют с ней.

Инфраструктура, опыт и окружающая среда

Наемный труд и коммерциализация. Обозначенные выше изменения, вызванные расширением коммерческих транспортных сетей, привели к быстрому росту автомобилей среди юганских ханты, а благодаря этому и доступности ближайших населенных пунктов с разнообразными магазинами. В свою очередь, этот переход к автомобильным путешествиям и

активному приобретению различных предметов городского быта, таких как телевизоры, компьютеры, смартфоны для всей семьи, в геометрической прогрессии увеличил зависимость ханты от бензина. Согласно моим полевым материалам, шесть из двенадцати опрошенных в стойбищах семей в настоящее время имеют по крайней мере один автомобиль, помимо вездесущих лодочных моторов и электрогенераторов (ПМА 2023). Лодочные моторы нуждаются в топливе, автомобили нуждаются в топливе, а сейчас, при большом количестве электроники в большинстве домашних хозяйств, и электрогенераторы нуждаются в топливе. Достаточно часто – круглосуточно. Поскольку традиционные источники дохода, такие как охота, пушной промысел, рыболовство и собирательство, все чаще рассматриваются респондентами как нестабильные, а денежная компенсация, получаемая от первых экономических соглашений с нефтяными компаниями, заключенных в 1990-е и 2000-е гг., зачастую не растет в связи с инфляцией, и, как следствие, снижается и семейная покупательная способность, многие ханты перешли на наемный труд, чтобы увеличить доход своей семьи. Это привело к возникновению обратной связи между потребностями в поддержании этого нового образа жизни: нужда в деньгах требует работу по найму, работа по найму означает больше доступных денег, больше доступных денег означает больше товаров, связанных с электричеством, больше электроэнергии и увеличение количества поездок на автомобиле, а также расходы на лодочные моторы и снегоходы означают увеличенную необходимость в бензине, потребность в большем количестве бензина требует больше денег и т.д.

Возможности и удобства. Наличие дорог и мостов, построенных нефтяными компаниями, в целом увеличило количество поездок семей на автомобиле вдоль Большого Югана и до ближайших населенных пунктов, причем настолько, что большинство респондентов, опрошенных в течение последних двух лет полевых работ на реке, не смогли назвать точное число и часто испытывали трудности даже с приблизительным подсчетом того, сколько раз они ездили в ближайший магазин в течение года, тогда как в 1990-х и начале 2000-х гг. поход в ближайший магазин был редким событием. Как отвечал один респондент про свои передвижения в 2023 г., «Вообще, почти каждый месяц [ездим в Угут]. Много покатались. Точно не помню, вообще всё много. В Сургут чуть реже ездим вот, два-три раза» (ПМА, юрты Покачеевы, 2023).

Растущее число поселений для нефтяников и имеющих в этих поселениях магазинов обеспечили новый и более доступный источник товаров первой необходимости. Если юганские ханты хотели приобрести какие-либо товары с повышенными потребительскими свойствами, то новая дорожная сеть значительно упрощала поездку до ближайших населенных пунктов, таких как Угут, Нижневартовск и Сургут. Это, в свою очередь, привело к активизации использования автомобилей среди юганских

ханты до такой степени, что семейные и общественные парковочные места стали характерными чертами ландшафта. Например, у семей Курломкиных, живущих в верховьях Большого Югана, есть парковочное место на холме со спуском к одному из притоков, впадающих в Большой Юган. Это позволяет им подводить лодки прямо к автомобилям при высокой воде, а при низкой все, что требуется, – это 15–20 минут ходьбы, чтобы добраться до места для парковки. Парковочное место соединено с общей сетью нефтеналивных дорог с твердым покрытием грунтовой дорогой, которую респонденты неоднократно с любовью называли «нашей хантыйской дорогой» (ПМА 2023). Там, где заканчивается хантыйская дорога и начинается нефтяная, ханты устанавливают деревянный шлагбаум из бруса, чтобы нефтяники случайно не свернули в их сторону.

Изменения в социальном пространстве. Расширение автомобильных перевозок привело к нарушениям в традиционном «речном пути», исторически используемом народом ханты. Благодаря возможности совершать дальние поездки на автомобиле как для покупки и продажи товаров в регионе, так и для посещения друзей и родственников, дальние речные путешествия для некоторых ханты стали более ограниченными и часто опасными. Хотя Большой Юган по-прежнему занимает центральное место в жизни любой хантыйской семьи, живущей на его берегах, сокращение речных перевозок и вышеописанные сдвиги в возможностях и маршрутах существенно изменили социальную динамику сообщества юганских ханты. Наличие моторных лодок и вездеходов одновременно и упростило жизнь многим, и наложило собственные ограничения. Один респондент, не забыв пожаловаться на молодежь, отметил: «Раньше [до дальней речки] ездили туда дальше, в сторону Демьянки там. Бураны появились, лень ехать стало – дорогу рубить надо! А раньше пешком ходили, семьдесят-восемьдесят километров с собаками. А на Буране неохота ехать. Молодежь тем более не поедет» (ПМА, юрты Усановы, 2023).

До того, как в поздний советский период двигатели стали обычным явлением, ханты путешествовали по своим рекам на различных гребных судах, от одноместных долбленок-обласов до больших лодок, способных перевозить большое количество товаров и целые семьи. Низкая скорость безмоторных лодок и большие расстояния, которые приходилось преодолевать, означали, что обычно, путешествуя по реке, можно было за день преодолеть расстояние всего лишь между одним или двумя хантыйскими стойбищами. Такая медленная скорость передвижения от стоянки к стоянке в течение всего дня требовала постоянных контактов между различными семейными группами и сообществами на реке, и то, что путешественники останавливаются и посещают почти каждую стоянку и священное место на своем пути, стало устоявшейся практикой. Это продолжалось и в советский период, и в 1990-е гг., даже когда двигатели стали обычным явлением. Насколько известно, для некоторых

ханты эта практика продолжалась и в 2000-е гг., но с появлением мощных двигателей она стала все менее и менее востребованной, поскольку путешественники могли за несколько часов преодолеть расстояние, на которое раньше требовался целый день пути. И хотя от верховьев реки до Угута около 900 км пути по реке, сегодня путешествие по Большому Югану по всей его длине может занять не более длинного дня с одной или двумя короткими остановками для отдыха и питания.

Объективизация окружающей среды

Отмеченные изменения быстро превратили практику посещения стойбищ и сакральных объектов при передвижении по Югану в часто игнорируемую традицию, отчего некоторые ханты, живущие на реке, теперь рассматривают ее (реку), скорее, как шоссе между пунктами «А» и «Б», чем как путешествие по целостному ландшафту. Такое же отношение часто возникает и усугубляется во время поездок на автомобиле по недавно построенным дорогам.

Данный сдвиг в подходах юганских ханты к путешествиям и изменения в семейном хозяйстве, вызванные этим сдвигом, повлияли на отношение ханты к природе. Новый вид передвижения, ставящий во главу угла скорость и пункт назначения, а не то, что мы, возможно, могли бы назвать инкультурированным путешествием – движение, которое подчеркивает многообразие сенсорных воздействий и запускает инкультурированные реакции, – толкает юганских ханты к более высокой степени объективизации и коммодификации благ, добытых в тайге – процессу, начатому системой интернатов, христианизацией и другими современными социальными процессами. Подобные перемены отразились и на важнейших элементах традиционной культуры ханты, в частности на их взаимоотношениях с медведями. Один информант в 1998 г. рассказывал: «Мой отец использовал ловушку, чтобы заманить медведя. Тогда он делал все в соответствии с традицией и заводил медведя внутрь через крышу [приглашал убитого медведя домой] и т.д. А потом все забыли об этом [традиционном способе]. Мой отец перестал это делать, и мы больше так не делаем. Мы, я думаю, обратились к христианству. Бог создал медведя, и мы поклонялись ему, что было плохо, потому что это язычество. Когда я еще учился в школе, мы делали это пару раз, а потом перестали. В этом нет необходимости. И, по-моему, это плохо» (ПМ Э. Уигета, О. Балалаевой. Большой Юган, 1995). Это новые «смешанные» отношения, в которых окружающая среда чаще всего рассматривается как место для добычи ресурсов, а не как интегрированное поле, населенное множеством существ, среди которых ханты должны поддерживать сбалансированное и уважительное согласие, чтобы вести мир-

ный и гармоничный образ жизни. Это изменение в отношениях с природой может рассматриваться как переход от анимистической точки зрения в сторону материалистической.

В традиционном хантыйском мире деревья, реки, камни, все обладает анимирующей силой, духом, требующим уважения. У животных и птиц есть боги-покровители, а медведь присматривает за тайгой, и отношения с ним сложны и запутаны. Человек выстраивает с этим миром отношения, держащиеся на взаимоуважении, поддержке и ритуале. Овеществление и коммодификация эту систему взаимоотношений меняют, следовательно, меняется и отношение человека к окружающей среде. Конечно, данные отношения представляют собой спектр убеждений и точек зрения, отличающихся от человека к человеку, а не бинарную модель, в которой человек придерживается либо анимистического, либо материалистического взгляда на мир, где будто бы между ними нет ничего промежуточного. Однако обстоятельства окружения человека определяют его место между этими двумя крайностями, а обстоятельства его жизни перемещают его в том или ином направлении. Но ранее упомянутые изменения подразумевают, что у юганских ханты происходит переход от первого ко второму.

Выводы

Как отмечалось выше, обстоятельства окружения человека влияют на его габитус, на возможности того, как он может воздействовать на объекты и ситуации и воспринимать их. Но среди бесчисленных способов, которыми человек действует, думает и воспринимает, движение выделяется как центральная многогранная точка соприкосновения в той среде, где он живет. Таким образом, движение как оказывает влияние на социальные поля, присущие нашему современному капиталистическому миру, так и находится под их влиянием – в первую очередь под влиянием экономики. Изменения в способах передвижения, как и в любой другой сфере жизни, стимулируют ответ. Как было продемонстрировано, инфраструктурное развитие спровоцировало социально-экономические изменения в сообществе юганских ханты, которые, в свою очередь, влияют на габитус человека – его традиционные подходы к взаимодействию с окружающей средой меняются. В результате этих адаптаций меняется то, как сообщества и отдельные люди «делают» культуру. Следовательно, меняется и культурный ландшафт.

Список источников

- Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р.Г. Пихоя. Т. 2: Югра в XI–XVI вв. / отв. ред. А.В. Головнёв. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024.
- Большой Юган [по данным Государственного водного реестра 2011 года]. URL: <https://textual.ru/gvr/index.php?card=193399>

- Балалаева О.Э., Сурломкина Е.П., Вигет Э.О. Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йях. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2021.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский север: в 3 т. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев. М.: Либерея, 1911.
- Карпетова И.А., Соловьева К.Ю. Образ хозяина Югана «Явун-ики» как символ культуры юганских хантов // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой / отв. ред. Д.А. Функ, А.П. Зенько. М., 2000. С. 198–211. (Сибирский этнографический сборник. 10).
- Тайлаковское месторождение [логистические данные]. URL: https://mklogistic.ru/taylakovskoe_mestorojdenie
- Малый Юган [по данным Государственного водного реестра 2011 года]. URL: <https://textual.ru/gvr/index.php?card=193529>
- Новостные данные о Тайлаковском месторождении URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/mestorozhdeniya/141645-taylakovskoe-neftegazovoe-mestorozhdenie/>
- Полевые материалы автора (ПМА) Д.А. Вигета. Большой Юган, сентябрь-октябрь 2023. ПМА Д.А. Вигета. Большой Юган, сентябрь-октябрь 2024.
- Полевые материалы (ПМ) Э. Уигета и О.Э. Балалаевой. Большой Юган и Малый Юган, лето 1995.
- Brody H. Maps and Dreams: Indians and the British Columbia frontier. Vancouver, B.C.: Douglas & McIntyre, 1981.
- Chapin M. et al. Indigenous landscapes: a study in ethnocartography / Mac Chapin, Bill Threlkeld. Arlington, Va: Center for the Support of Native Lands, 2001.
- Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill (1st ed.). Routledge, 2000.
- Jordan P. Ideology, Material Culture and Khanty Ritual Landscapes in Western Siberia // Ethnoarchaeology and Hunter-gatherers: Pictures at an Exhibition / ed. by K.J. Fewster, M. Zvelebil. Oxford: British Archaeological Reports, 2001. P. 25–42. (BAR International Series 955).
- Munn N.D. Excluded Spaces: The Figure in the Australian Aboriginal Landscape // Critical Inquiry. 1996. № 22 (3). P. 446–465.
- Nafziger J.A.R. Cultural Landscapes Significant to Indigenous Peoples // Islamic Studies on Human Rights and Democracy. 2018. Vol. 2, № 1. P. 71–78.
- Wacquant L.J.D. Towards a reflexive sociology: A workshop with Pierre Bourdieu // Sociological Theory. 1989. № 7 (1). P. 26–63.
- Wiget A., Balalaeve O. Khanty, People of the Taiga: Surviving the 20th Century. University Press of Colorado, 2011. 415 p.

References

- Akademicheskaya istoriya Yugry: v 8 t.* [Academic history of Ugra: in 8 volumes, vol. 3] / pod obshch. red. R.G. Pikhoya. Khanty-Mansiysk: AO Izd. dom «Novosti Yugry». 2024. Tom 2: Yugra v XI–XVI vv. / отв. ред. А.В. Golovnev.
- Bolshoy Yugan. *Dannyye Gosudarstvennogo vodnogo reyestra ot 2011 goda* [Data of the State Water Registry of 2011]. Available at: <https://textual.ru/gvr/index.php?card=193399>
- Balalayeve O.E., Surlomkina E.P., Wiget E.O. (2021) *Golosa Yugana. Sbornik folkloro Yaven-yakh* [The voices of Yugan. Collection of folklore of the Yaven-yah]. Surgut: OOO "Pechatnyy mir g. Surgut".
- Dunin-Gorkavich. A.A. (1996) *Tobolskiy sever. V 3 t. T. 3. Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodtsev* [The Tobol North. In 3 volumes. Vol. 3. An ethnographic essay of local inorodtsev]. Moscow: Libereya.
- Karapetova I.A. Solovyeva K.Yu. (2000) *Obraz khozyaina Yugana "Yavun-iki" kak simvol kultury yuganskikh khantov* [The image of the owner of Yugan "Yavun-iki" as a symbol of the culture of the Yugan Khanty]. In: *Etnografiya narodov Zapadnoy Sibiri. K yubileyu*

- doktora istoricheskikh nauk. professora Zoi Petrovny Sokolovoy* / Ed. by D.A. Funk, A.P. Zenko. Moscow. pp. 198–211.
- Logisticheskiye dannyye o Taylakovskom mestorozhdenii* [Logistical information about the Taylakovskoye field]. Available at: https://mklogistic.ru/taylakovskoe_mestorojdenie
- Malyy Yugan. *Dannyye Gosudarstvennogo vodnogo reyestra ot 2011 goda* [Data from the State Water Registry of 2011]. Available at: <https://textual.ru/gvr/index.php?card=193529>
- Novostnyye dannyye o Taylakovskom mestorozhdenii* [News data about the Taylakovskoye deposit]. Available at: <https://neftegaz.ru/tech-library/mestorozhdeniya/141645-taylakovskoe-neftegazovoe-mestorozhdenie/>
- Brody, H. (1981) *Maps and Dreams: Indians and the British Columbia frontier*. Vancouver, B.C.: Douglas & McIntyre.
- Chapin, M. et al. (2001) *Indigenous landscapes: a study in ethnocartography* / Mac Chapin, Bill Threlkeld. Arlington, Va: Center for the Support of Native Lands.
- Ingold, T. (2000). *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill* (1st ed.). Routledge.
- Jordan P. (2001) Ideology, Material Culture and Khanty Ritual Landscapes in Western Siberia. In: *Ethnoarchaeology and Hunter-gatherers: Pictures at an Exhibition* / ed. K.J. Fewster, M. Zvelebil. Oxford: British Archaeological Reports, pp. 25–42. (BAR International Series 955).
- Munn, N.D. (1996). Excluded Spaces: The Figure in the Australian Aboriginal Landscape. *Critical Inquiry*. 22 (3). pp. 446–465.
- Nafziger, J.A.R. (2018) Cultural Landscapes Significant to Indigenous Peoples. *Islamic Studies on Human Rights and Democracy*. Vol. 2, no. 1. pp. 71–78.
- Wacquant, L.J.D. (1989) Towards a reflexive sociology: A workshop with Pierre Bourdieu. *Sociological Theory*. 7 (1). pp. 26–63.
- Wiget, A., Balalaeva, O. (2011) *Khanty, People of the Taiga: Surviving the 20th Century*. University Press of Colorado. 415 p.
- Field materials by D. A. Wiget, Bolshoy Yugan, September–October 2023. (In Russ.)
- Field materials by D. A. Wiget, Bolshoy Yugan, September–October 2024. (In Russ.)
- Field materials by A. Wiget and O. E. Balalaeva, Bolshoy Yugan and Maly Yugan, summer 1995.

Сведения об авторе:

ВИГЕТ Даниил Андреевич – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: DanielWiget@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Daniel Andrew Wiget, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: DanielWiget@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 18 июля 2025;
принята к публикации 30 августа 2025.*

*The article was submitted 18.07.2025;
accepted for publication 30.08.2025.*